

УДК 330.88

Неклесса А. И.¹, заместитель генерального директора
НП Института экономических стратегий (ИНЭС), г. Москва

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МИРОУСТРОЙСТВА И РОССИЯ

Сегодня перед Россией как никогда остро стоит проблема преимущественной ориентации в связях с внешним миром. Само геостратегическое местоположение России между Западом и Востоком предопределяет особенность ее развития, противоречивость ее судьбы. На эту особенность указал еще наш первый «геополитик» Петр Чаадаев: «Стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба великих начала духовной природы — воображение и рассудок — и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара. Но не такова эта роль, определенная нам провидением».

Какова же эта роль? — вопрос, который требует ответа и будоражит умы наших соотечественников.

О геоэкономическом мироустройстве и будущем России, которое необходимо строить исходя из тех тенденций, которые складываются в мировой практике, на страницах журнала рассуждает Александр Иванович Неклесса, Председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации и член Бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

В начале XX века индустриальная экономика пережила стремительный взлет, вызванный научно-технической революцией и новыми формами организации труда. Но обильное количество «дешевых вещей», не уравновешенное платежеспособным спросом, привело к затяжному кризису перепроизводства. Стало оче-

видным, что социальные, экономические и политические механизмы нуждаются в серьезной модификации, причем в глобальном масштабе. Прежнее разделение планеты мировыми империями (зональная глобализация) должно было уступить место новому поколению технологий глобального управления.

В течение столетия возникают различные версии организации нового порядка на планете (коммунистический, национал-социалистический, корпоративный, неолиберальный эксперименты). Влиятельные позиции в обществе занимает класс управленцев (новый класс); складывается слой платежеспособных потребителей сложных изделий и услуг (средний класс); утверждается новая социальная среда (общество массового потребления).

¹ **Неклесса А. И.** — заместитель генерального директора Института экономических стратегий (ИНЭС), директор Центра геоэкономических стратегий ИНЭС (ЦГС ИНЭС).

Действительный член Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией геоэкономического анализа ИАФ РАН, член Бюро научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации.

А доминантные ранее формы общественного сознания (протестантская этика), сдерживавшие инстинкты избыточного потребления товаров и услуг, уступают место гедонистически ориентированному мировоззрению, ставящему во главу угла комфорт и безопасность. Параллельно получает развитие, причем в широком диапазоне, индустрия деструкции материальных ценностей: от изощренных и агрессивных концепций моды (искусственное потребление) до высокотехнологичных войн.

Физические и экологические ограничения, налагаемые природой на интенсивное потребление ресурсов, также начинают вызывать беспокойство, отразившись в попытках спроектировать альтернативную стратегию глобального развития (устойчивое развитие). Опасения, однако, были в значительной мере преодолены за счет интенсивного развития нематериального производства, становления всего корпуса постиндустриальной экономики. Сервисная экономика высокопрофессиональных услуг, цифровая экономика (*digital economy*) и экономика знаний (*knowledge-based economy*) резко расширили горизонт, деформированный проблемой «пределов роста» природозащитной экономики.

Инновационная экономика заметно ослабляет значение этих ограничений. Экономика информационная их практически не имеет. По мере ее экспансии потребление природных ресурсов не растет, а снижается: происходит миниатюризация и оптимизация промышленных механизмов, ряд открывающихся отраслей носит выраженный виртуальный характер. К тому же творческий дар в отличие от сырьевых и биосферных ресурсов имеет возобновляемый и неисчерпаемый характер.

Сегодня в мире очерчивается контур сложной, целостной планетарной композиции, объединяющей национальные хозяйства на основе новой формулы разде-

ления труда. Мировая экономика долгое время являлась площадкой (объектом), на которой в качестве субъектов действовали государства. Однако к концу XX в. в результате формирования глобального рынка, краха альтернативной мировой (социалистической) системы качества генерального субъекта экономической мастерской постепенно переходят к транснациональной «штабной экономике», в то время как национальные хозяйства сопрягаются в геоэкономические регионы в зависимости от характера основных ресурсов и доминирующего типа деятельности.

В недрах глобальной экономики шаг за шагом выстраивается сложноподчиненная конструкция финансово-правового регулирования экономической галактики, соединяя в единое целое аграрные, индустриальные и постиндустриальные формы активности: добычу природного сырья и промышленное производство, производство «сырья» интеллектуального и высоких технологий, прочие материальные и нематериальные виды деятельности.

В результате на планете образовалась система геоэкономических регионов, связанных нитями ресурсных потоков и рентных (квазирентных) платежей. «Аналогия с империей в данном случае оправдана, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, — описывает создавшееся положение вещей хорошо разбирающейся в перипетиях финансово-экономического лабиринта интеллектуал-финансист Джордж Сорос. — Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее

экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели»².

Постиндустриальная среда, транснациональный характер рынка и новые средства коммуникации способствуют появлению нового поколения динамичных персонажей глобальной экономики. В том числе пестрого семейства амбициозных корпораций, осваивающих открывающуюся просторность и ее инновационные кладовые, энергично модифицирующих практику и обладающих подчас трансэкономическим целеполаганием. Широко используются при этом новоопознанные ресурсы — скажем, такие формы капитала, как кадровый, интеллектуальный, символический, социальный, культурный, эффективно сочетающие хозяйственную активность с другими типами деятельности.

Геоэкономика как предмет исследования

Геоэкономика — направление социальных наук, сформировавшееся в середине XX в. на стыке экономики и политологии. В предмете геоэкономики просматривается несколько аспектов, объединяющих в единый комплекс вопросы экономической истории, экономической географии, современной мировой экономики и политологии, конфликтологии, теории систем управления. Геоэкономика изучает:

- географический императив, выражающийся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности;

- «мощь и ее актуальный инструментарий» — происходящий сдвиг международных силовых игр из области военно-политической в область экономическую, порождающий особый тип конфликтов — гео-

экономические коллизии в глобальном контексте;

- политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации экономики (унификации и поглощения мировой экономики «вселенским рынком», ее новой структурности);

- пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) в новом глобальном универсуме различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда;

- слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления.

Наблюдения о связи экономики, истории и географического пространства можно встретить у самых разных ученых XIX — XX вв. в широком диапазоне от Фрица Рёрига и Фридриха Листа («автаркия больших пространств») до Фернана Броделя («миры-экономики») и Иммануила Валлерстайна («мир-системный подход»).

Общее понятие о предмете геоэкономики первоначально возникает в русле геополитических для фиксации реалий, относящихся к экономическим аспектам данного направления социальных исследований. Очевидно, что экономика Европы и экономика тропической Африки, равно как экономика стран континентальных и стран прибрежных в своих существенных характеристиках типологически различны. Так, развитие товарного производства в умеренных широтах стимулировалось сезонным циклом сельскохозяйственной активности и необходимостью складирования собранных продуктов, в то время как экономика тропической зоны не имела столь выраженной цикличности, а складское хранение заменялось поддержанием экологического баланса определенных растительных зон. В трудах геополитиков отмечалось также отличие базовой экономиче-

² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. 114.

ской модели «*Rimland*» (ориентированной на широкий товарообмен) и «*Heartland*» (в большей мере нацеленной на самообеспечение).

Геоэкономика как самостоятельное понятие и направление исследований возникло в 40-е гг. XX в. (Чарльз Колби, Гриффит Тейлор, Маурицио Пармели), частично как попытка избавиться от отягощенного одиозными ассоциациями понятия геополитики, активно использовавшегося в нацистской Германии. Однако геоэкономика очертила несколько иное предметное поле, нежели геополитика, взяв от последней, однако, целостный, структурный подход к рассмотрению социальной реальности и политической динамики. В дальнейшем отдельные (немногочисленные) работы по геоэкономике выходили в странах Третьего мира и Южной Европы.

В генезисе современного понимания геоэкономики, сформировавшегося к концу XX в., просматривается определенная преемственность с подходами и инструментарием геополитики, что не в последнюю очередь связано с господствующими умонастроениями рубежа 1980–90-х гг. В те годы многие исследователи прогнозировали смещение силовых игр наступающей эпохи из военно-политической сферы в экономическую и эскалацию нового типа конфликтов — геоэкономических коллизий, развивающихся в контексте международных отношений.

Подобный концепт был положен в основу статьи американского ученого Эдварда Люттвака «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли», опубликованной в журнале «*National Interest*» летом 1990 г. Люттвак противопоставляет в ней геополитику с ее акцентом на использование военной мощи для достижения внешнеполитических целей геоэкономике как политике, ориентированной на победу в экономическом состязании. Следует упомянуть также работы Эндрю Лейшона и Уильяма Нестера.

В Европе концепция геоэкономики в те же годы активно разрабатывалась в Италии генералом Карло Жаном, опубликовавшим, в частности, в начале 1991 г. статью «Геоэкономика: инструментарий, стратегия и тактика», несущую отпечаток геополитических конструктов и военно-стратегического стиля мышления автора. По мнению генерала Жана, геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле — и на всей практикологии конфликтных ситуаций. В целом, в трудах итальянских ученых (К. Жан, П. Савона, С. Фиоре, Ф. Бруни Рочча) под геоэкономикой понимается дисциплина, изучающая те аспекты международной конкуренции, где главными действующими лицами выступают не корпорации, тресты или банки, а государства³.

В России разработка геоэкономического инструментария исследователями и освоение геоэкономического подхода государственными учреждениями начались непосредственно после распада СССР. Российская концепция геоэкономики при этом в значительной мере отошла от прочтения предмета в русле идей геополитики и конфликтологии. Геоэкономика понимается скорее как пространственная локализация типов экономической деятельности в глобальном контексте и связанная с этим феноменом новая формула мирового разделения труда, а также как слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на этой основе системы стратегических (глобальных) взаимодействий.

Данное направление, тесно связанное с развитием процессов глобализации, активно развивалось в 1992–1993 гг. в Главном управлении стратегического анализа развития внешнеэкономической дея-

³ См.: Жан К., Савона П. Господство экономического пространства. Пер. с ит. Г. П. Кисилева, И. О. Смагина. М.: Нево, 1997.

тельности МВЭС РФ (А. И. Агеев, А. И. Неклесса, В. И. Юртаев⁴). Геоэкономический подход углублялся в теоретическом отношении (разработка формальной схемы геоэкономического атласа мира) и применялся на практике при планировании стратегии ВЭД (внешнеэкономической деятельности) России как в целом, так и в ее региональных и отраслевых аспектах. Геоэкономические реалии учитывались, в частности, при разработке концепции ТКС (транспортных коммуникационных систем) и сравнительном анализе достоинств и недостатков широтных систем «Восток–Запад» и меридиональных — «Север–Юг» (1992), они обсуждались при формулировании «Основных положений внешнеполитической стратегии Российской Федерации» (1993).

В настоящее время в российской геоэкономике доминируют две исследовательские модели:

а) гексагональная конструкция глобальной геоэкономического универсума А. И. Неклессы⁵;

б) понимание геоэкономики Э. Г. Кочетовым⁶ как политики и стратегии повышения конкурентоспособности государства в новом глобальном контексте.

⁴ См., например: *Агеев А. И.* Россия в пространстве и времени: стратегии и циклы. СПб.: СПбГУП, 2005; *Кузык Б., Агеев А., Доброчеев О., Куроедов Б., Мясоедов Б.* Россия в пространстве и времени (история будущего). М.: ИНЭС, 2004; *Попов А. К., Юртаев В. И.* Глобализация: битва двух парадигм. М.: ИНЭС, 2000; *Неклесса А. И.* Люди воздуха, или кто строит мир? М.: ИНЭС, 2005; и др.

⁵ См., в частности: *Неклесса А. И.* Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века. В кн.: *Российские стратегические исследования.* Антология. М.: Логос, 2002.

⁶ См.: *Кочетов Э. Г.* Геоэкономика и стратегия России. Истоки и принципы построения внешнеэкономической доктрины. М.: Московский общественный научный фонд, 1997; *Кочетов Э. Г.* Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. Учебник. М.: Норма, 2006.

Высокие геоэкономические технологии

Штабная экономика, формулирующая регламенты экономической механики, оперирует высокими геоэкономическими технологиями, которые не только обеспечивают значительную прибыль, но во многом определяют траектории ресурсных и финансовых потоков, картографию распределения и перераспределения мирового дохода.

Во-первых, это технология мировой резервной валюты, модифицированная в 1971–1973 гг. в виде феномена новых денег. В те годы Соединенные Штаты Америки — эмитент фактической мировой резервной валюты — окончательно отказываются от золотого паритета доллара, доведя, таким образом, исторический процесс порчи монеты до некоторого логического предела. Деньги приобретают своеобразный «алхимический» характер: их значение определяется, в конечном счете, символическим капиталом Соединенных Штатов Америки и их возможностями глобального управления, а не теми или иными материальными ресурсами.

Новые деньги — это деньги, которые не обеспечены драгоценными металлами, ликвидностью и т. п. Более того, не обеспечиваются они и достоянием государства. Так что обанкротить США невозможно именно потому, что страна является эмитентом новых денег. Иначе говоря, ей грозит лишь девальвация, на которой, как ни странно, страна не только ничего в финансовом плане не теряет, но даже получает прибыль. Потому что деньги «гниют», являясь объектом перманентной инфляции.

Обычная банковская технология действует следующим образом: человек или предприятие занимают деньги в банке и платят проценты. Но если эмитировать долговые расписки как универсальные деньги, все происходит с точностью до наоборот: вы занимаете деньги у мира, а мир платит проценты за то, что вы занимаете у него

деньги. Долларовые банкноты или соответствующие электронные платежи (расписки заемщика) предъявляются затем эмитенту (если предъявляются), скажем, в оплату его товаров уже обесцененными: процент инфляции из них автоматически вычтен. Иными словами, привычная банковская схема «кредитор — заемщик» меняется в данном случае на прямо противоположную: кредитор платит заемщику процент, равный проценту обесценивания ссуды.

Другая высокая геэкономическая технология — глобальный долг. Генезис глобального долга относится приблизительно к тому же периоду. В 1973 г. разразился нефтяной кризис как результат «войны Судного дня» между Египтом и Израилем: в то время цены на нефть резко подскочили, доходы нефтедобывающих государств серьезно возросли и значительные объемы евродолларов⁷ вторглись в мировую финансово-экономическую систему.

Страны — экспортеры нефти, однако, не обладали инфраструктурой, способной абсорбировать избыточные финансы, поэтому не могли эффективно и производительно использовать свалившиеся богатство. Оставался единственный путь — поместить средства в банки, что эти страны и делают: переводят деньги в надежные западные банки. Те постепенно переполняются, кредит дешевеет, становится избыточным, деньги начинают «подгнивать», а когда деньги залеживаются, банковским учреждениям грозит банкротство. Инфляция в подобных условиях, само собой, растет, кредиты предоставляются все менее надежным заемщикам на менее выгодных для банков условиях. И, в конце концов, займы начинают даваться под проценты, практически, ниже уровня инфляции.

На данной стадии «кризиса финансового изобилия» ситуация была частично смяг-

чена пришедшимся примерно на те же годы процессом деколонизации, который стимулировал расширение пространства кредитных операций. В то время возникало множество государств, охотно бравших деньги, и не менее охотно и быстро их тративших: строили стадионы, дворцы, затевали престижные проекты, разворачивали, переводили средства из банка в банк... А когда наступал срок уплаты долгов, финансовые учреждения предоставляли новый кредит: на сей раз на погашение предыдущих.

К началу 1980-х гг. ситуация, однако, драматичным образом изменилась. В условиях нового повышения цен на нефть очередной виток инфляции потребовал принятия достаточно жестких мер, в том числе увеличения процентных ставок. Страны-заемщики прочно увязли в трясине долгов и многочисленных, нередко весьма дорогостоящих проектов. К тому же в индустриально развитых государствах к тому времени были задействованы финансово-экономические механизмы, позволявшие перераспределять геосферную ренту в свою пользу. Наконец, на роль крупнейшего заемщика стали претендовать Соединенные Штаты, столкнувшиеся в силу ряда обстоятельств с устойчивым ростом государственных расходов и бюджетного дефицита⁸. Оскудение кредитных рынков создало проблему выплат по ранее взятым обязательствам, ряд развивающихся стран начал ощущать последствия «дурной бесконечности потерянного десятилетия». Одновременно ужесточилась политика банковского сообщества, оказавшегося перед угрозой глобального дефолта. И действительно, первой его ласточкой стал долговой кризис 1982 г.

Спасением явился переход банковских учреждений к коллективным действиям.

⁷ Евродоллары — это не только доллары, которые имеют хождение в Европе, но и вся долларовая масса, находящаяся за пределами США.

⁸ Пришедшая к власти администрация Рейгана начала проводить политику, сопряженную с резким увеличением оборонных расходов, что вело к серьезному бюджетному дефициту США, являющихся, кстати, крупнейшим мировым должником.

(Не случайно рождение в том же году влиятельных организаций кредиторов — Парижского и Лондонского клубов.) Во главе комплексной стратегии оказались международные экономические организации: Международный валютный фонд и Всемирный банк реконструкции и развития, созданные в рамках Бреттон-вудской системы для других целей, но обретшие в конце 1970-х гг. второе дыхание, верно оценив открывшиеся перспективы. Основой стратегии стала реструктуризация задолженности стран-заемщиков, санация их финансового положения, сокращение бюджетного дефицита, а также структурная перестройка национальных экономик, сопряженная с широкой приватизацией, либерализацией цен и внешней торговли, ведущая к росту экспорта, а соответственно, и валютной выручки, необходимой для расчетов с кредиторами. В итоге мировая финансовая система устояла, однако глобальная экономика приобрела качественно иной облик.

При анализе технологий адаптации периферийных экономик к глобальному рынку — программ структурной перестройки⁹ и финансовой стабилизации — обращают на себя внимание следующие обстоятельства:

- во-первых, в отличие от прежних рецептов встраивания развивающихся стран в общую динамику мировой экономики (в русле «геокультуры развития») алгоритмы структурной перестройки были нацелены на создание жизнеспособной неравновесной, но устойчивой модели перераспределения мирового дохода.

Данная модель имеет весьма серьезные социальные следствия, связанные со сжатием внутреннего потребления в странах-должниках (и перераспределения активов в пользу кредитора), ибо радикальное уменьшение бюджетных расходов, конечно же, влияет на положение широких слоев населения;

- во-вторых, стабилизируя состояние финансовой среды и стимулируя ее развитие (формируя платежеспособный спрос на финансовые ресурсы/услуги), пакет реформ был призван решить и другую стратегическую задачу — обеспечить долгосрочную встроенность (*adjustment*) Юга в систему североцентричного глобального рынка в качестве ресурсно-сырьевой составляющей, выводя ситуацию пресловутых «ножниц цен» на качественно новый уровень.

Итак, в соответствии с технологией структурной перестройки в стране-реципиенте происходит оптимизация добычи полезных ископаемых; затем сырье выбирается в возрастающих количествах на рынок, а государство по логике данной технологии получает деньги, с помощью которых может выплатить задолженность. Спасая, таким образом, мировую банковскую систему от краха. Однако системные следствия от применения технологии структурной перестройки на этом не прекращаются. Все большее число стран начинает повышать экспорт сырья — ведь это их основной источник валюты, поэтому мировые цены на него снижаются. Сырья добывается больше, но доход от его продажи может и понизиться, а знаменитые «ножницы цен» (диспропорции в ценах на сырье и промышленные изделия) — возрасти.

Органичное в русле рассматриваемых реформ снижение либо полная отмена экспортных пошлин — помимо стабилизации долговой ситуации (или, быть может, правильнее сказать, перевода долгосрочной проблемы на хорошо обустроенную и уходящую в бесконечность колею) — формирует благоприятный торговый климат для стран — импортеров сырьевых продуктов. Тем самым, по сути, стимулируется сырьевой бум: когда существует изобилие дешевых ресурсов в силу естественного в подобных условиях падения цен, а распределение прибыли становится доходным занятием структур, контролирующихся международными торговыми операциями.

⁹ Ср. англ. «*structural adjustment*», но *adjustment* — это не совсем «перестройка», скорее, «поднастройка», прилаживание, адаптация.

При этом у стран-потребителей остаются рычаги для изменения в свою пользу схемы распределения геосферной ренты: за счет введения высоких импортных тарифов (под предлогом антидемпинговых процедур) либо в форме высокого налогообложения продуктов первичной обработки дешевого сырья (как бы выравнивая конечную цену продукта по высокой внутренней планке). А также и в форме потребления фактически бесплатных экологических ресурсов ввиду отсутствия глобального рыночного механизма в этой сфере.

Рассмотрим теперь технологию финансовой стабилизации. По своей сути это бюджетная операция, при помощи которой внутреннее потребление, т.е. расходные статьи бюджета, в особенности социальные (у которых к тому же заметно меньше лоббистов), начинают сокращаться. А образующийся профицит направляется на выплату внешней задолженности. Подчас данная расходная статья становится ведущей в национальном бюджете. Таким образом мировая банковская система не только вышла из кризиса, но сформировала систему перманентного долга, фактически, охватывающую весь мир.

И еще важное обстоятельство. В самой аксиоматике данной концепции реформ было заложено фундаментальное противоречие между стимулированием развития рыночной среды, национального частного сектора и внерыночным характером действий международных организаций, фактором их целенаправленного влияния на процесс принятия решений в странах-реципиентах. В результате, несмотря на декларируемые цели, фактический контроль за социально-экономической деятельностью зачастую переходил не столько к местному частному сектору, сколько к иностранным донорам и международным организациям, формируя контекст своеобразного североцентричного «макроколониализма».

Еще один пример высокой геоэкономической технологии — управление риска-

ми. Следует подчеркнуть, что управление рисками не сводимо к их страхованию, хотя последнее потенциально является весьма масштабным видом деятельности. Так, в 1997 г. на волне восточно-азиатского кризиса заговорили о страховании национальных и региональных рисков и о создании нового международного института предназначенного для данного вида деятельности.

Управление рисками ориентировано не только на снижение, но порой и на повышение их уровня. Сегодня по миру «мечется» довольно большое количество финансовых средств: по оценке *Stanley Morgan*, в более-менее свободном состоянии находятся суммы, приближающиеся к половине стоимости мирового продукта. А это как минимум 500–600 млрд долл., которые, словно стада бегущих бизонов, перемещаются по планете, потому что это «горячие» деньги, спекулятивные деньги, деньги, которые ищут применения. И в процессе их движения из региона в регион, из страны в страну позади остаются вытопанные поля и руины брошенных на произвол судьбы хозяйств¹⁰.

Рассуждая о нарастающем искусстве управления кризисными ситуациями, следует, наверное, упомянуть также перспективы выстраивания глобальной налоговой системы (ее прообраз, кстати, проскользнул в схеме Киотского протокола). Наконец, отдельная тема — деструктивная параэкономика, в рамках которой поля деятельности и доход образуются за счет декон-

¹⁰ Вот хроника кризисных ситуаций конца XX в.: 1994–1995 гг. — Мексика, 1996 г. — Бразилия, 1997 г. — Восточная Азия, 1998 г. — вновь Бразилия и Россия. В 1999 г. финансовые пертурбации сливаются с военно-политической составляющей управления кризисами: это Югославия, а в 2000 г. кризис переживает уже новая экономика США, особенно связанная и интернет-технологиями. С 2001 г. начинается XXI в., и 11 сентября критичность глобальной экономики перерастает собственно экономические рамки. Пространство актуального управления рисками перемещается на Большой Ближний Восток, а предметным полем геоэкономических операций становится курс доллара и цена нефти.

струкции, подчас высокоиндустриальной, результатов человеческой деятельности.

Состояние дел

Введение элементов глобального управления в современную экономику приводит к синтезу хозяйственных и властных функций, что отразилось в актуализации категории «геоэкономика», понимаемой как слияние политики и экономики, формирование на данной основе системы стратегических взаимодействий.

Действительно, экономика все чаще выполняет управленческие и властные функции, а власть соучаствует в решении экономических задач. И то, и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. Постепенно корпус хозяйственной деятельности на планете — в процессе мирового разделения труда — приобретает черты целостной структуры, политэкономического организма, отдельные компоненты (члены) которого носят специализированный характер. Иначе говоря, современная экономическая практика транснациональна и глобальна, хотя и привязана к определенным географическим ареалам. Отсюда еще один из смыслов в содержании категории геоэкономика, фиксирующий пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда в глобальном универсуме.

Дело в том, что модули («этажи») геоэкономической машины, разнесенные в пространстве, находятся в определенных производственных взаимоотношениях. К примеру, производство природного сырья и материальных изделий связано в устойчивую диаду. То же самое можно сказать о «сырье» интеллектуальном и высокотехнологичном производстве. Проанализировав палитру подобных отношений, мы можем построить целостную, сложноподчинен-

ную (иерархичную) матрицу, объединяющую в единую композицию весь спектр хозяйственной и финансовой деятельности человека на планете.

Есть такой предмет — «китайский шар», представляющий пять уменьшающихся шаров, расположенных один внутри другого. Конструкция эта — неплохая модель геоэкономической организации мира. На внешней поверхности геоконна расположено пространство Нового Севера, охватывающее прочие экономические миры. Оно генетически связано с североатлантическим регионом, но обладает собственным историческим и трансгеографическим целеполаганием. Экономика космополитичного модуля прямо связана с владением весьма значимым символическим капиталом, с принятием и проекцией властных решений, с финансово-правовым регулированием операций, с информационной, интеллектуальной и цифровой экономикой, с областью высококвалифицированных услуг, оставляя собственному материальному производству другим геоэкономическим персонажам.

Доминанта следующего геоэкономического ареала («первого внутреннего шара») — производство высоких технологий, расположенное в североатлантическом регионе. И если первый, транснациональный «этаж» мы обозначили как «Север», тогда второй, географически локализуемый регион следует, наверное, сохраняя типологическую преемственность, именовать Западом. Североатлантическая мир-экономика выполняет функции своеобразного «высокотехнологичного Версаке», занимаясь производством лекал и образцов, причем далеко не только в области одежды и обуви, но, главное, в сфере высоких технологий, которые (с определенными ограничениями для технологий военных и некоторых других) тиражируются затем в других регионах планеты.

И, прежде всего, на просторах Большого тихоокеанского кольца. Сегодня тихоокеанский регион в геоэкономическом смысле — это не только Северная и Юго-

Восточная Азия, Австралия и Океания: ареал включает такую нетрадиционную ось, как Латинская Америка — Индостан. Это Новый Восток, связанный с массовым промышленным производством, включая наукоемкие и высокотехнологичные товары. Еще один географически мотивированный регион — Юг, расположенный преимущественно в тропической и субтропической зоне. Основа его геоэкономической ориентации — производство природного сырья.

Следующая зона, пожалуй, наиболее сложна для анализа с точки зрения ее хозяйственной ориентации. Это «сухопутный океан» Евразии, точнее Северной Евразии, в политическом отношении во многом связанный с историческими судьбами России. Если бы речь шла о построении формальной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства» — своеобразного геоэкономического Гипер-Севера — по ряду косвенных признаков могло бы стать производство интеллектуального сырья для широкого круга нововведений (как инженерных, так и социогуманитарных). В таком случае новая пространственная организация мира точно соответствовала бы умозрительной формуле «мировой производственной мегамашины» — единого комплекса мирового хозяйства. На практике, однако, этого не произошло.

Завершает перечень основных элементов геоэкономической конструкции транснациональный андеграунд, «размазанный» по изнанке геоконата, объединяя, словно лента Мёбиуса, спекулятивный квази-Север с откровенно грабительской, «трофейной» экономикой Глубокого (Глубинного, Крайнего) Юга. Это наследник традиционной криминальной и околоскриминальной деятельности, которая, в настоящее время, оперируя сотнями миллиардов, если не триллионами долларов, приобретает качественно новые характеристики и особое положение в рамках глобальной экономики.

Предметное поле данного геопространства расширяется, не ограничиваясь при-

вычным списком видов криминальной активности, такой, как, например, наркотрафик (хотя последний и составляет наиболее заметную часть параэкономики). Трансграничный Глубокий Юг интегрирует всевозможные проявления «подпольной экономики», в свою очередь так или иначе связанные с экономикой легальной, выстраивая на основе их взаимодействия серые, полусерые и прочие нечистые зоны практики.

В недрах глобальной экономики обнаруживаются со временем собственные непростые проблемы и сталкиваются альтернативные стратегии завоевания будущего:

- оптимизационная (за которой стоит информация как базовый ресурс общества), тесно связанная с развитием финансово-правовых технологий, «каталогизацией» мира в рамках возводимой конструкции нового геоэкономического порядка, становлением системы глобального управления;

- инновационная (опирающаяся на креативность в качестве своей основы), суть которой составляет получение нового знания и качественное, скачкообразное преобразование среды обитания человека.

Основу первой тенденции составляет идеал глобального управления, прочитанный как финансово-правовое регулирование, перераспределение ресурсов и взимание геоэкономических рентных платежей. Она тесно связана с инфраструктурой финансовых учреждений и гигантских ТНК или, как их подчас называют, глобальных корпораций. Эти экономические гиганты обладают колоссальной мощностью: достаточно сказать, что в списки 100 крупнейших экономик мира (понимаемых как национальные и транснациональные экономические организмы) 51 позицию занимают ТНК.

Вторая тенденция проявляется в росте числа и качественном развитии разнообразных гибких и сверх-гибких венчурных предприятий (вплоть до феномена *manterprise*: «человек-предприятие»). Ос-

новой подобных предприятий становятся уже не основные фонды и даже не регламентированный управленческий ресурс, но человеческий капитал, некоторое критическое число творческих личностей, от наличия или отсутствия которых подчас зависит судьба организации¹¹.

Оба тренда, однако, не существуют в окружающей нас реальности как автономные и открыто противостоящие. Они проявляются в единой среде и подчас в организационной структуре/иерархии приоритетов одних и тех же организаций как два стратегических вектора, нацеленные на доминирование в новом веке. Современная экономика, конъюнктурно и асимметрично объединяя достижения в обеих сферах: информационной и инновационной (хотя с заметным креном в сторону первой составляющей), предуготовляет драматичное столкновение интересов между управленческой элитой и производителями нового знания, т.е. своего рода классовый конфликт нового века.

Последующая метаморфоза глобальной экономики может оказаться тесно связанной с экспансией вызревающих в плаценте геоконата «государств-корпораций» — динамичных трансгосударственных конструкций, основанных на заметно иных, нежели прежде ТНК, организационных началах. Траектории подобных «блуждающих звезд» и «астероидных групп» уже сегодня прочерчивают небосвод глобальной экономики, снижая актуальность прежней административно-поли-

тической картографии и опредмечивая контурные карты Воздушной Лапутании. Гибкие «государства-корпорации» преследуют не только экономические, но также политические и социально-культурные амбиции, выступая порой как вполне самостоятельные субъекты стратегического действия¹².

Трансформация корпораций

Национальная государственность переживает сегодня кризис, имеющий системную природу. Ее прежний затяжной конфликт с альтернативными имперскими или этно-конфессиональными формами организации государственности активно дополняется новой типологией противоречий. В мире возникли, к примеру, такие влиятельные формулы проекции власти, как международные регулирующие органы или такие формы организации политических связностей, как страны-системы. Не менее энергично развиваются процессы автономизации, субсидиарности, приводящие подчас к рождению парагосударственных образований, имеющих различную судьбу, пополняя, в том числе, список несостоявшихся государств или иных парapolитических форм социального управления.

Но наиболее радикальной формой постсовременного парагосударственного строительства на сегодняшний день является, пожалуй, корпоративная практика, эволюционирующая к образу мира динамичных и автономных констелляций («государств-корпораций»), обладающих различным уровнем суверенности, внутренних и внешних компетенций.

В стремительно расширяющейся социогалактике непростой задачей оказывается

¹¹ Уместно в этой связи вспомнить примечательный диалог Дэвида Паккарда и Джона Гейджа, создателей компаний *Hewlett Packard* и *Sun Microsystems*. Дэвид спрашивает Джона: «Джон, сколько человек тебе нужно для организации производства?». Джон отвечает: «Шесть, может быть восемь...». Рустем Рой, ведущий дискуссии (а проходила она в 1995г. в знаменитом отеле «Фермонт» на съезде 500 представителей мировой элиты и регламент выступлений был 5 минут), обостряет ситуацию, задавая вопрос: «А сколько человек реально работает в корпорации?». Следует мгновенный ответ: «Шестнадцать тысяч, но они, в основном, являются резервом для рационализации». // www.analysisclub.ru.

¹² В данной теме еще много непознанного и непрописанного, но в качестве некоей аналогии можно сослаться на феномен вирусных атак или на поведение «червей» и «Троянов» в виртуальном электронном пространстве.

удержание исторически сложившихся связей и государственной целостности прежнего поколения национальных и политических систем. Реальная политика — интегральная форма жизни деятельных организмов, а не просто набор рационально осмысленных принципов, действенных в определенный период истории. В (пост-)современном мироустройстве обостряется и, что даже более важно, существенно модифицируется проблема сепаратизма. Его актуальная формула определяется конкурентным соотношением территориального и деятельностного пространств. Суверенитет становится транзитным понятием, но не в смысле его ликвидации, а, скорее, распространения на новое поколение субъектов интернационального взаимодействия, связанного с меняющимся пониманием субъектности. Возможно, это наиболее сложная проблема, стоящая сегодня перед национальной государственностью.

Принципы существования современных крупных корпораций все чаще акцентируют нематериальную природу, выходя за рамки планирования исключительно экономического успеха. Культура предпринимательская *per se* уступает место культуре собственно корпоративной и трансэкономической, смыкаясь с аналогичными процессами в других сферах человеческой практики. Стратегия современной мегакорпорации в той или иной степени отражает поиск особой позиции в системе социальных замыслов, обретая привычку к освоению еще только намечающихся горизонтов событий.

В русле подобного подхода к формулированию стратегии корпорация планирует обустройство некой перспективной социальной ниши, в результате чего ее образ начинает сопрягаться в общественном сознании с миражами и горизонтами развития общества. Даже небольшая корпорация, нашедшая действительно оригинальную формулу обустройства будущего, переживает пароксизм роста и ощущает высоту границ достигаемого успеха.

Обретая востребованную историей суперпозицию, такая корпорация производит/продает уже не конкретный товар и даже не «товарный сюжет» (выдвигающий на передний план долгосрочный маркетинг и маргинализируя фактор производства), но идею, перспективу, а вместе с ними — доверие, безопасность, борьбу за будущее. Иначе говоря, в конечном счете, именно качественные, структурные параметры предопределяют масштаб эволюции и длительность существования корпорации.

Прорыв корпораций в будущее, утверждение возобновляемых прав на него могут стать следствием нетривиального взгляда на ландшафты Трансграничья, расположенного по ту сторону постиндустриального барьера, прозорливого суждения о потребностях его обитателей, оригинальной проблематизации ситуации и ее гениального разрешения.

Удельный вес традиционного производства в «северном» модуле между тем снижается. В тех или иных формах оно передается контрагентам, уходит в периферийные географические и геоэкономические пространства. Статус изделия, «вещи» резко понизился, а человек-производитель, рабочий, все чаще оказывается избыточной величиной. Промышленность утратила прежнее, центральное положение, зато все большее значение стали приобретать изоморфизмы нематериальной сферы, нетривиальные формы финансовых операций, организационные технологии, способность к быстрому обновлению, скорость экспансии, репутация, умелое управление рисками. Искусство опознания новых ресурсов и эффективного распоряжения ими.

В преобразенной среде распространяется полифоничная культура, тесно связанная с постиндустриальным укладом и сетевой формой организации в целом. Культура, в которой инерционная монотонность оптимизации (экономии) преодолена нелинейной стратегией избыточности (*redundancy*). Новые организации в центр своей актив-

ности ставят серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно, собственное, оригинальное прочтение повседневности и горизонтов бытия. По этой модифицированной системе координат меряются затем прочие виды корпоративной деятельности, концентрируясь в смысловом фокусе и притягивая схожую с собой феноменологию. Решение же частных рабочих схем, а порой и производства в целом передается «сопутствующему рою» на условиях франчайзинга и аутсорсинга.

В идеале действия макрокорпоративного конгломерата нацелены на оптимальное сочетание — под эгидой деспотизма идеи (наследия института корпоративной хартии) — интенсивной поисковой активности с системностью экстенсивных операций по освоению завоеванного пространства.

Преадаптация к будущему, вычерчивание его зыбкой картографии все чаще признается ключевой предпосылкой стратегического успеха, напоминая историческую гонку за возможностью утвердить фирменный флагшток и само имя (логотип) на полюсе обитаемой реальности. Обеспечивая, таким образом, право на пребывание в завтрашнем мире, на значимое и продолжительное существование в нем. С какого-то момента стали высоко котироваться владение пространствами новизны, концептуальная разведка, сценарный изыск, искусство прогностики и долгосрочного планирования (нормативной футурологии). Иначе говоря, поиск провиденциального ответа на неощущаемый конкурентами вызов времени.

Параллельно растет значение капитализации как экономистического момента истины — интегрального показателя дел в данное время и в данном месте (*just in time price*).

Капитализация — складывающийся метаязык универсального рынка, параллельно приспособливаемый для дешифровки и чтения любых антропологических текстов. Она остается связанной — хотя в ряде ситуаций уже не столь жестко — с рентабель-

ностью предприятий, текущей финансовой отчетностью, основными фондами, бухгалтерской стоимостью. В заметно большей пропорции, однако, соотносится она теперь с темпоральными характеристиками рентабельности, включая комплексный расчет рисков, с дисконтной геометрией чистых денежных потоков (*free cash flow to equity*) и т.п.

В постклассической экономике значительную, подчас решающую роль при определении рыночной капитализации предприятия начали играть протееобразные, то есть подвижные, изменчивые и не всегда легко опознаваемые и формализуемые нематериальные активы. Например, совокупные качества персонала, комплекс личных и социальных связей, информация *per se* и знание *ad hoc*, доступ к длинным деньгам, корпоративная аура, позиционирование на рынке (желательно на глобальном) и в обществе в целом.

В последней трети прошлого столетия расхождение между рыночной капитализацией предприятий и стоимостью физических активов становится заметным фактором экономической игры, причем, как в постиндустриальной сфере, так и в традиционных областях хозяйства¹³. И по мере приближения рубежа веков разрыв этот стремительно увеличивается. В некоторых случаях он становится даже не кратным, а порядковым. Особое значение управление невидимыми активами приобретает для нового поколения игроков: на виртуальном, цифровом поле новой экономики.

Многие представления о структуре и характере экономического космоса изменились в те годы, что, в конце концов, и было зафиксировано в определении «новая экономика». Пристальный интерес вызыва-

¹³ Что отражено, в частности, в таком показателе, как «коэффициент Тобина» — отношение рыночной стоимости предприятия к цене замещения его реальных активов.

ет, фактически, любой, в том числе самый экзотичный, источник роста совокупной рыночной стоимости, который удается опознать и формализовать.

Заметно выросло значение таких нематериальных факторов и активов, как:

- человеческий капитал и, прежде всего, сумма контрактов ведущих сотрудников организации;
- баланс компетенций и, прежде всего, умение управлять нематериальными ресурсами;
- интеллектуальная собственность и, прежде всего, основной бренд;
- качество цифровых массивов и, прежде всего, уникальная/эксклюзивная информация;
- корпоративные связи (взаимные обязательства, регламенты, формальные и неформальные сети, доверие) и корпоративная культура в целом;
- стратегические активы и наличие дальних горизонтов.

Все чаще учитывается не столько текущее, сколько ожидаемое состояние дел (т. е. тренд, «колея», перспектива). Степень влиятельности и включенность в значимые коалиции (совсем не обязательно только экономические). Общественное и профессиональное признание (авторитет). Лидерство на рынке. Инициатива. Творческий подход (вплоть до изощренной провокативности). Способность кардинально пересмотреть ситуацию. Устойчивость по отношению к текущим и будущим рискам, умение использовать их как ресурс.

Подобное изменение иерархии ценностей (например, соотношение шкалы нематериальных активов и основных фондов; капитализации и рентабельности) можно образно сравнить с отношениями мутационного фактора и механизма естественного отбора в процессе эволюции. Первый также создает качественные прорывы, второй обеспечивает планомерное освоение открывающихся ниш.

Россия в геоэкономическом контексте

К началу XXI в. Россия оказалась на историческом перепутье, возможно, как и вся человеческая цивилизация. Сегодня в мире нарастает напряжение между двумя векторами экономической деятельности: финансовым и энергетическим. Финансы и энергетика — два камертона современной экономики, тональности которых имеют определяющее значение для насущных и стратегических проблем практики. На поле, обозначенном этими векторами, разворачиваются геоэкономические игры и штабные учения по организации нового миропорядка.

В сложившихся обстоятельствах страна вырабатывает оптимальный формат самостояния в новом мире. Россия — держатель пространств Евразии, исторический *frontier* генетики *Universum Christianum* и одновременно наследник поликонфессиональной и многонациональной мозаики Российской империи, равно как и России — СССР. Но верно и то, что Россия, органично связанная, если не с европейским культурным кругом, то с европейской цивилизацией в ее исторической ипостаси *tota Europa*, в настоящий момент испытывает явный стресс, реализуя сотрудничество с «миром атлантическим», причем преимущественно в русле кодов сырьевой экономики, столь характерной именно для государств Третьего мира. Нарастающее отчуждение от горизонтов европейской цивилизации в пользу номенклатурных иерархий сжимает возможности личностного роста, препятствуя торжеству «энергии мысли» над «энергиями нефти и газа».

В постсоветской истории России наряду со сдвигами в направлении модернизации проявилась также другая тенденция — демодернизация части территории, определенная архаизация социальных связей. В настоящий момент страна находится на распутье между инерцией трофейной экономики, более-менее устойчивой ролью сырьевой державы (и потенциального объ-

екта масштабных игр в данной сфере), попытками вхождения в транснациональный мир глобальных корпораций. И, напротив, периодически вспыхивающей тягой к мягким формам неопротекционизма или даже подспудными разговорами о возможности реанимации элементов мобилизационных схем управления. Суть выбора, в конечном счете, заключена в смысловой развилке между обществом, которое развивается ко все более сложной, полифоничной и динамичной конструкции, и социумом, тяготеющим к статичной, номенклатурной, иерархичной форме устройства.

Критические мнения об участии и перспективах России — РФ приводить нет смысла: с некоторых пор они стали достаточно многочисленными. Нельзя слишком долго существовать на ренту, проживая наследство, гордиться прошлыми заслугами, строя благосостояние исключительно на сокровищах, зарытых в земле. На глазах возникает каркас социополитического организма, предполагающий в среднесрочной перспективе разделение страны на:

- государственность «А», являющуюся островом транснационального архипелага, предоставляя ее руководителям право на присутствие в элитном кругу.

Подобное государство-корпорация (в геоэкономическом понимании термина) строится из совокупности десятка олигархических картелей, прежде всего, в сфере газо- и петроэкономики, систем их обслуживания (но также на других производственных и ресурсных основаниях), соединенных в социально-политическую связность под зонтиком новой управленческой конструкции;

- государственность «Б»: социальную, административную — обеспечивающую функционирование привычных, общенациональных, но утрачивающих актуальность и эффективность форм государственного устройства, ветшающих институтов публичной политики и увядающих ветвей власти.

Все это вполне вписывается в архитектуру поствестфальского мироустройст-

ва, основанного на принципах динамичной иерархии и геоэкономической интеграции. Россия, впрочем, весьма своеобразное геоэкономическое пространство. Ее экономика парадоксальным образом соединяет структурные черты как сырьевого Юга, так и высокотехнологичного Севера.

Действительно, ряд черт российского общества и экономики (да и значительной части постсоветского пространства) вызывают настойчивые ассоциации с той частью мирового сообщества, какой является Юг:

- преимущественно сырьевой характер экспорта и производства;

- крупномасштабная коррупция, nepotизм, клановость;

- низкие показатели уровня и качества жизни, ее короткая продолжительность, высокая смертность, резкое расслоение и криминализация общества, ослабление социальной ткани;

- деградация традиционной системы ценностей, «макдональдизация», гипертрофия издержек идеологии общества потребления;

- новые, исторически недостоверные границы, сепаратизм и межэтнические противоречия, локальные конфликты;

- факты использования вооруженных сил для решения задач внутри страны — вот длинный, но неполный перечень наиболее явных из них.

В то же время в Российской Федерации присутствуют социальные энергии, связанные с иными горизонтами, в числе которых — становление суверенной личности, развитие критических форм практики, реальность технологического сообщества. Так, особенностями российской экономики, в корне отличающимися ее от слаборазвитых стран, являются:

- существование высокотехнологичных отраслей промышленности;

- воспроизводство инновационного ресурса, высоких технологий и передовых разработок;

- наличие высококвалифицированной рабочей силы;
- относительно высокое качество общего и специального образования, а также науки.

Попытка удержания Россией своего «северного» статуса или тем более продвижения на геозкономической Северо-запад, однако же, предполагает серьезные политические трансформации, а также модификацию экономической стратегии (на путях социально ориентированного рыночного хозяйства) и особенно — шкалы приоритетов в социальном строительстве. В том числе:

- повышенное внимание к обустройству культурной и институциональной среды обитания, ее качественным параметрам, уровню морали в обществе;

- усилия по развитию человеческого капитала, повышение индекса человеческого развития, расширение пространства сложных композиций и коммуникаций;

- комплексное обустройство инновационной культуры, стимулирование творческих процессов, не ограниченных научно-технической сферой, развитие культурной и социогуманитарной инноватики, управленческой культуры, методологии познания и действия в мире критических систем.

Сегодня страна заняла прочное место среди производителей природного сырья и полуфабрикатов, основу национального богатства составляет природная рента и ее производные, за счет же интеллектуальных ресурсов производится приблизительно 5–10% национального продукта (в странах «технологического сообщества» примерно 70%). Инерционный сценарий развития не предполагает серьезной трансформации сложившегося положения вещей, разве что ту или иную его модификацию. Изменение перспективы возможно лишь на путях некоей альтернативной стратегической инициативы.

Существуют ли для этого какие-то основания? Положительный ответ дать непросто. Можно, правда, уповать на то, что красная

нить зигзагообразного пути России — это ее перманентная нестандартность, столь упорно прорывавшаяся на протяжении бурной российской истории, к несчастью, подчас самым нелепым и кровавым образом. Есть у данной нестандартности и «лицевая» сторона — оригинальная, творческая мысль, нередко опрокидывавшая, казалось бы, незыблемые клише и стереотипы, находя выход из безвыходных на первый взгляд ситуаций. И возможно, именно здесь таится глубинная особенность не только национального характера, но также национальной экономики. Историки, экономисты, политики приводят немало аргументов в подтверждение настойчиво, хотя и без особого видимого эффекта повторяемого тезиса о творческом, интеллектуальном потенциале как козырной карте российского общества.

В прошлом веке эта особенность российского культурного кода была проэксплуатирована весьма уродливо, хищнически, однобоко, однако именно она обеспечила развитие в России — СССР феномена ВПК, реализовав в полуфеодальной стране (опережая, подчас, всех и вся) ряд высокотехнологичных проектов — в областях военного строительства, ядерной энергетики, космонавтики, авиастроения, специальной металлургии и т. п. Особая тема: судьба умов, талантов, идей, на протяжении XX столетия исходящих из России, этого туманного «гипер-Севера» мировых геозкономических пространств.

Инновационный вектор развития, с неизбежными в ходе реализации срывами и нелепостями, все же указывает стране направление, хоть и непростого, но пути в постиндустриальное сообщество, соотносясь с геозкономической логикой современного мира и глубинной национальной спецификой.

При долгосрочном прогнозировании перспектив России в новом веке стоит также учитывать вероятность серьезной реконфигурации социально-экономической картографии мира из-за срыва глобаль-

ной экономики, развития финансово-экономического кризиса, который неодинаковым образом скажется на странах и регионах. Что ждет Россию — страну у которой две козырные карты: петрозкономика и ядерное оружие? В этом случае возрастает роль национальных ресурсов и производственных фондов, что, наряду с валютной лихорадкой, будет стимулировать перераспределение собственности и «новый реализм» в отношении особо важных объектов. Естественно, что территория, способная обеспечивать себя энергетическими и рядом иных ресурсов, оказывается в особом положении.

Умело формулируя национальную стратегию, Россия с обретением смысловой устойчивости получает шанс влиять на спектр своих партнеров и конкурентов, модифицируя в желательном направлении логику международных отношений, продвигая собственное прочтение глобализации. На сегодняшний день положение России — РФ в геополитической системе координат чрезвычайно сложно. Нетривиальное прочтение геоэкономического кон-

текста открывает дополнительные изменения у ряда наболевших проблем, предоставляя, в частности, стратегическую альтернативу сложившейся архитектуре внешних связей как с неоиндустриальным пространством Большого тихоокеанского кольца, так и высокоиндустриальной экономикой североатлантического Запада.

Литература

1. Агеев А. И. Россия в пространстве и времени: стратегии и циклы. СПб.: СПбГУП, 2005.
2. Кочетов Э. Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. Учебник. М.: Норма, 2006.
3. Кузык Б., Агеев А., Доброчеев О., Куроедов Б., Мясоедов Б. Россия в пространстве и времени (история будущего). М.: ИНЭС, 2004.
4. Попов А. К., Юртаев В. И. Глобализация: битва двух парадигм. М.: ИНЭС, 2000..
5. Неклесса А. И. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века. В кн.: Российские стратегические исследования. Антология. М.: Логос, 2002.
6. Неклесса А. И. Люди воздуха, или кто строит мир? М.: ИНЭС, 2005.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2008г.

A. Neklessa, Deputy Director-General of Economic Strategies Institute Not-For-Profit Partnership, Chairman of Committee for Social and Cultural Issues in Globalization, Moscow

FOREIGN STATES' GEOGRAPHIC POSITION AND ECONOMIC SITUATION IN RUSSIA

Today Russia is facing a problem of choosing priorities in the foreign affairs, and the problem is as acute as it never has been. The geographic and strategic position that Russia occupies between the East and the West determines the country's development trends and the inconsistency in the country's development throughout the history. The trend was described by Petr Chaadayev, Russian first geopolitical analyst. «As Russia is in-between the two main parts of the world, the West and the East, and is adjacent to China on the one hand and close to Germany on the other, it should have coupled the two main spiritual work pillars, imagination and reason, and incorporate the world history into its own civilization. But the country's role that is determined by Heavens is not like this,» he said.

What is that role? This is the question that is to be answered and the Russians are constantly in search for the answer.

The author examines the geographic and economic situation the foreign countries and Russia are in and the future of the country that we have to build taking into consideration the world economic development trends.